

На правах рукописи

НАУМЕНКО Светлана Васильевна

**РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ ОТ ВАРИАТИВНОСТИ
К ЕДИНОЙ НОРМЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ
И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Красноярск – 2021

Работа выполнена на кафедре русского языка и речевой коммуникации
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор **Григорьева Татьяна Михайловна**

Официальные оппоненты:

Каверина Валерия Витальевна, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», профессор кафедры русского языка

Попов Михаил Борисович, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры русского языка

Шмелев Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, главный научный сотрудник, заведующий отделом «Культура русской речи»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»

Защита диссертации состоится 25 сентября 2021 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.016.04 на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет», федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» по адресу: г. Красноярск, проспект Свободный, 82, стр. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»: www.sfu-kras.ru

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Бурмакина Наталья Геннадьевна

Общая характеристика работы

Актуальность исследования определяется тем, что рассматриваемая применительно к разным сферам языка проблема вариативности прочно входит в круг важнейших и перспективных направлений научных исследований и заслуживает выделения в самостоятельный предмет всестороннего изучения. Вариативность в орфографии при этом является исключением, подходы к ее теоретическому осмыслению и практической реализации требуют уточнения и дальнейшей разработки, которая невозможна без накопления и описания фактического материала. Орфографическую практику XVIII – первой половины XX в. отличают высокая частотность и разнообразие нестабильных написаний, но задача изучения системного проявления вариативности в широком временном диапазоне до настоящего момента не ставилась.

С учетом того, что «в русистике нет менее разработанной области, чем теория и особенно история графики, орфографии и пунктуации», тщательное осмысление вариативных написаний способствует более целостному и объективному пониманию русского письма в его историческом развитии от вариативности к устойчивой и единой норме¹. Настоятельную необходимость такого осмысления в свое время отмечали Г. О. Винокур, М. В. Панов, Б. И. Осипов, Т. М. Григорьева, В. В. Каверина. Кроме того, масштабная по своей задаче история упорядочения вариативности в послереформенный период (1918–1956) пока не получила должного освещения в научной литературе. Между тем это позволит глубже осознать сложившуюся систему орфографических норм, причины существующих противоречий и истоки тенденций, а также выявить факторы и принципы, которые учитывались при упорядочении правописания в разные периоды нормирования. Значимость исследования диахронического аспекта вариативности в орфографии также актуализирует потребность кодификаторов в «стратегическом плане» совершенствования современного правописания, создание которого невозможно не только без изучения неустойчивых написаний, характерных как для практики в продолжение длительного периода, так и для осознания способов нормализации.

Актуальность определяет и комплексный характер исследования, выполненного на стыке вариантологии и орфографии, социолингвистики (орфографические варианты рассматриваются в контексте общественных оценок и языковой политики), фонологии (в рамках обсуждения альтернативных способов нормализации отдельных вариативных написаний), лексикографии (орфографические варианты в словарях и справочниках), а также лингвисториографии. Широкие перспективы изучения орфографической вариативности в динамике открывает лексикографическая кодификация XVIII – первой половины XX в., представляющая результаты сознательных нормализа-

---

¹ Осипов Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации. – М.: Институт русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. – С. 7.

торских усилий в отношении различных аспектов русского языка, в том числе в области орфографии.

Впервые проблема орфографической вариативности была обозначена Г. О. Винокуром, отметившим применительно к древнерусской и дореформенной орфографии наличие у слова при семантической и функциональной тождественности «бессодержательных», т. е. исчерпывающихся «исключительно лишь своим орфографическим содержанием», различий: *вѢроу – вѢрж, тѣргъ – трѣгъ – тѣръгъ* и *мѣль – мелкій*². Понимание специфики вариативности в орфографии как результата условного варьирования, не затрагивающего внешнюю звуковую и внутреннюю сторону слова и выступающего параллельной формой письменного выражения одного и того же лингвистического значения, в дальнейшем нашло отражение в работах О. С. Ахмановой, Н. Н. Семенюк, Л. К. Граудиной, Б. З. Букчиной, Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой и др. В данной работе мы разделяем такой подход и придерживаемся следующей трактовки термина *орфографическая вариативность* – это вариативность написания одного и того же слова, не связанная с отражением в его письменном облике результата возможного варьирования произношения или лексического, стилистического и грамматического значения и представленная в тексте *орфографическим вариантом*, например: *ассессоръ, асессоръ* и *ассесоръ, асесоръ*; *диллетантъ, диллеттантъ* и *дилетантъ*; *безудержу, безъ удержу* и *безъ-удержу*; *каракавица* и *корокавица*; *спесь* и *спѣсь* (орфографические варианты рубежа XIX–XX вв.); *лате* и *латте*; *городской Совет* народных депутатов и *Городской совет* народных депутатов; *саундбластер* и *саунд-бластер*; *остро-кислый* и *острокислый* (варианты рубежа XX–XXI вв.)³.

Основные различия между орфографическими и собственно языковыми вариантами сводятся к общей оценке и рекомендациям относительно употребления, градации, причинам возникновения, возможным результатам и срокам варьирования. Орфографические варианты характеризуются как функционально не оправданные и избыточные, их градация оказывается в традиционной ортологической практике альтернативной (*норма / не норма, правильное / неправильное*). Исключение вариативности осознается как акт упорядочения, совершенствующий письменную коммуникацию, в связи с чем выдвигается требование устранения колебаний в максимально короткий срок. В числе основных причин появления орфографической вариативности указываются отсутствие регламентирующих требований или некорректная или неполная для данного языкового материала формулировка существующего правила, возможность написания слов разными способами (Я. К. Грот, Д. Н. Ушаков, С. П. Обнорский, С. И. Ожегов, С. Е. Крючков, Д. Э. Розенталь,

² Винокур Г. О. Орфография как проблема истории языка (1949) // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 464.

³ Варианты типа *воробышек* и *воробушек, калоша* и *галоша, матрац* и *матрас*, выступающие графическим воплощением собственно языковых вариантов, относятся к орфографо-языковым.

Н. А. Еськова, Л. П. Калакуцкая, С. М. Кузьмина, Б. И. Осипов, В. В. Каверина, И. В. Нечаева, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова, А. Д. Шмелев).

В связи с вариативностью обсуждается возможный характер орфографической нормы как *безвариативной*, так и *компромиссной*, допускающей варианты написаний. Как правило, принцип вариативности традиционно признается «непригодным» и противоречащим «орфографической дисциплине» (А. Б. Шапиро) и интересам пишущих (Ю. Р. Гепнер, В. А. Ицкович, Л. К. Граудина, В. В. Лопатин, Г. А. Иванова), «неприемлемым» (В. Ф. Иванова), а орфографические варианты оцениваются как написания, требующие «искоренения» (Б. З. Букчина).

Сторонники гибкой нормы утверждают, что вариативность позволит избежать орфографического педантизма и «самодурства ревнителей» строгой орфографии (С. М. Кузьмина). При обсуждении орфографической вариативности XVIII – первой половины XX в. нередко возникают, с одной стороны, вопросы *дисциплины* и орфографического *уложения, кодекса, юридического закона, законодательства, охраны*, а с другой – *произвола* и *анархии* (П. Гильтебрандт, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, С. П. Обнорский, А. Б. Шапиро, М. И. Уаров, А. Н. Гвоздев). Закономерно, что организация в советский период упорядочения правописания потребовала от орфографических комиссий четкого решения вопроса о характере нормы. Первая советская комиссия по реформе орфографии и пунктуации 1929 г. при Главнауке (рук. К. Г. Костенко) последовательно декларирует безвариативность. Утверждается, что вариативность противоречит «здоровому инстинкту охраны орфографии как социального фактора»⁴. Орфографическая комиссия Наркомата просвещения РСФСР 1933 г. (рук. Д. Н. Ушаков) также отмечает нецелесообразность утверждения в правах вариативности. В свою очередь, орфографическая комиссия Академии наук 1933 г. (рук. А. С. Орлов) допускает возможность таких вариативных написаний, как *круже(и)во*, *цы(и)буля*, *цы(и)мбалы*, *цы(и)фра* (с основным вариантом через *-ы-*), а также ряда наречий, но в дальнейшем эта позиция не встречает поддержки.

В диссертационном исследовании выдвигается **гипотеза** о взаимодействии стратегических задач в процессе преодоления орфографической вариативности на разных этапах становления единой нормы.

Объектом исследования является русская орфография XVIII – первой половины XX в. в своем историческом развитии, представленная в различных лексикографических памятниках и архивных документах, отразивших этапы утверждения единой нормы.

Предмет исследования – вариативность, выступающая фундаментальной характеристикой орфографической системы русского литературного языка до утверждения «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. (в дальнейшем изложении – Правила 1956).

Цель исследования – системное описание орфографической вариативности, представленной в источниках XVIII – первой половины XX в., и ос-

---

⁴ Диспут о новом правописании (1930) // АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 75. Л. 33.

новых стратегий ее преодоления в процессе сознательного упорядочения и нормирования правописания. Поставленная цель определила следующие **задачи** исследования:

1. Обосновать перспективность анализа орфографического аспекта различных толковых словарей как важных источников неосвоенного фактического материала для изучения истории нормирования русской орфографии.

2. Определить особенности, состоятельность и степень реализации заявленных анализируемыми словарями орфографических концепций, а также сделать выводы о степени влияния их рекомендаций на упорядочение практики письма.

3. Выявить корпус представленных в источниках орфографических вариантов, установить их типологию, частотность, особенности нормативной градации с учетом взглядов на специфику орфографической нормы, своеобразие сопровождающих помет.

4. Охарактеризовать центр и периферию орфографической вариативности, влияние реформы 1917–1918 гг. на упорядочение правописания и динамику изменений в группах вариативных написаний.

5. Установить истоки формирования концепции безвариативной орфографической нормы и определить перечень изданий, способствовавших ее утверждению, а также динамику оценок этого явления в общественном сознании.

6. Выявить круг проблем, обсуждавшихся в связи с обновлением повестки орфографической деятельности после завершения реформы 1917–1918 гг.: нормирование через разработку и утверждение общеобязательного свода правил или подготовка новой «пролетарской» реформы. Уточнить оценку специалистами и общественностью итогов реформирования в первое послереформенное десятилетие и причины ее изменения в дальнейшем.

7. На основе 150 неопубликованных документальных источников (в том числе 126 впервые вводимых в научный оборот) описать организационные и содержательные аспекты разработки Правил 1956 как основного инструмента нормирования письма, выявить хронологию и периодизацию этого процесса, а также его закономерность и обусловленность ведомственными интересами и общей социально-политической ситуацией советского периода.

8. Охарактеризовать теоретические установки, программные заявления, взгляды на вариативность и итоги работы советских ведомственных и правительственных орфографических комиссий.

9. Изучить особенности структуры и организации орфографического материала десяти редакций проектов правил 1936–1956 гг., систематизировать предложения по упорядочению вариативных написаний, уточнив этапы утверждения ряда орфограмм русского письма.

Диссертационное исследование подчинено методологическим принципам системности и историзма. Основные методы, используемые в диссертации: наблюдение, сравнение и описание, направленные на интерпретацию данных; классификация и обобщение полученных результатов; сплошная и частичная выборка; статистический и структурный анализ. Решение задачи

по установлению последовательности событий, связанных с нормализацией послереформенного письма и утверждением Правил 1956, потребовало применения исторических методов: хронологического и построения периодизации.

Методологическую основу исследования составляют труды по теории вариативности слова [Виноградов, 1944; Смирницкий, 1954; Ахманова, 1957; Jedlicka, 1963; Горбачевич, 1978; Граудина, 1980; Donath, 1982, Немченко, 1990, Ballard, 1992, Крысин, 2011], теории и истории письма [Винокур, 1959; Шапиро, 1951, Рождественский, 1951; Виноградов, 1964; Панов, 1964; Кузьмина, 1981; Щерба, 1983, Амирова, 1985; Зиндер, 1987; Иванова, 1991; Успенский, 1994; Бреусова, 2000; Григорьева, 2004; Голев, 2004; Лопатин, 2007; Осипов, 2010; Каверина, 2010; Арутюнова, 2015; Бешенкова, Иванова, 2016], истории лексикографии [Щерба, 1940; Ожегов, 1952; Бархударов, 1957; Цейтлин, 1958; Горбачевич, 1966; Виноградов, 1977; Сороколетов, 1989].

Научная новизна работы состоит в исследовании орфографической вариативности XVIII – первой половины XX в. в синхронно-диахронном аспекте. Приведены новые фактические данные, позволяющие осмыслить представление об орфографической вариативности (корпус, его границы и структура, грация и типологии вариантов), а также подходы к ее описанию и оценке в нормативных источниках. На основе документов Архива РАН, не вовлеченных до настоящего времени в научный оборот, установлены факторы и конкретные события, определившие хронологию и общую идеологию нормализации орфографии послереформенного периода (1918–1956), который завершается утверждением Правил 1956.

Теоретическая значимость определяется вкладом в исследование проблемы закономерностей функционирования орфографической вариативности в различные периоды исторического развития русского письма с учетом ее эксплицирования в источниках, а также структурных, статистических, динамических, аксиологических и иных характеристик. Реконструируемая в интеграции социальных и лингвистических подходов история нормирования письма в послереформенный период является существенным вкладом в установление объективной картины эволюции русской орфографии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть учтены в обобщающих работах по истории русского литературного языка, русской исторической лексикографии, лексикологии и вариантологии, а также при выработке предложений по усовершенствованию орфографических рекомендаций для современных вариативных написаний. Выявленный корпус орфографических вариантов и введенные в научный оборот документальные источники могут стать основой для дальнейшей научной разработки проблем орфографической теории и практики.

Материалом для исследования послужили: 1) более 30 лексикографических источников XVIII – первой половины XX в. (академические толковые словари нормативного характера, толковые словари справочного типа, орфографические словари (в том числе в составе редакций правил), указатели орфографического разнообразия, специальные технико-орфографические справоч-

ники для работников печати)⁵; 2) 10 разновременных редакций правил (Правила 1936, Правила 1936 (2), Правила 1939, Правила 1939 (2), Правила 1940, Правила 1947, Правила 1948, Правила 1951, Правила 1952 и Правила 1956); 3) авторская картотека орфографических вариантов объемом 1800 единиц; 4) 150 неопубликованных документальных источников разного характера (распоряжения и постановления, докладные, пояснительные и служебные записки, тезисы выступлений, отзывы на орфографические словари и проекты, обращения организаций и граждан, стенограммы собраний, протоколы заседаний орфографических комиссий, особые мнения и др.) послеоктябрьского периода из Архива РАН; 5) материалы советской периодической печати: орфографические публикации в специализированных изданиях («Вестник просвещения», «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», «На путях к новой школе», «Начальная школа», «Полиграфическое производство», «Просвещение Сибири», «Русский язык в (советской) школе», «Советская печать», «Советская педагогика» и т.д.) и массовых газетах и журналах («Вечерняя Москва», «Красная газета», «Литературная газета», «Огонек», «Учительская газета», «Правда» и др.).

Апробация работы. Основные результаты работы были неоднократно изложены в научных отчетах к грантовым программам⁶; докладах, представленных к обсуждению на конференциях, чтениях и семинарах, в том числе на международном научно-дидактическом семинаре «Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее» (Польша, Гданьский университет, 2006), международных конференциях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Культура русской речи (Гротовские чтения)» (2007, 2010, 2014, 2016, 2018) и «Русский язык в культурно-историческом изменении» (2012), международной конференции тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» (Москва, 2020, 2021). Положения работы обсуждались на заседании кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО СФУ (2019, 2020)

На защиту выносятся следующие положения:

1. Орфография в своей коммуникативной и общекультурной функции служит средством письменного общения, выступая как социально значимое установление. Необходимым условием успешной реализации ее предназначения являются общеобязательная регламентация и единая норма, обеспечивающие устойчивость и упорядоченность письма. Русскую орфографию, избравшую с момента своего становления в качестве главного аксиологический критерий, отличает особое внимание к проблеме правильного / нормативного

---

⁵ При характеристике орфографической вариативности также привлекается материал грамматических трудов Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева, Г. П. Павского, Ф. Рейфа и Академической грамматики (3-е изд., 1854), «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847) и др.

⁶ Программа «Фонда Президента России» МК – 1158.07 «Норма – узус – кодификация в русской орфографии (до- и послереформенный период)»; программа Министерства образования и науки России PD – 02–03. 17.43 «Орфографическая ситуация на разных этапах истории русского языка XVIII–XXI вв.».

и неправильного / ненормативного. Частотные орфографические «погрѣшности», «сомнѣнія» и ошибки отмечаются уже в первых грамматиках и руководствах.

2. Целью нормализации орфографии, которая на протяжении XVIII – первой половины XX в. является центром филологических дискуссий, осознается существенное ограничение или полное исключение вариативности в процессе усовершенствования и упорядочения. Концепция идеальной орфографической нормы без вариантов, зародившаяся в трудах В. П. Светова (конец XVIII в.), официально утверждается в школьном орфографическом словаре Д. Н. Ушакова (1934), призванном обеспечить выполнение требований орфографического режима в школе. Орфографию первого фундаментального «Словаря Академии Российской» (1789–1794) представляют контрастирующие системы: безвариативная, осознаваемая как идеал (Указатели слов к выпускам словаря), и реальная, которую отличает разнообразие вариативных написаний (иллюстративный материал разных словарных статей и выпусков).

3. Орфографическая вариативность представляет собой особый вид письменной модификации слова, не обусловленный изменениями фонемного, семантического, грамматического или стилистического статуса в функционально тождественных контекстах, а потому формальный по своей природе. Орфографические варианты отличаются от языковых функциональной избыточностью, причинами возникновения и возможными результатами варьирования. Как объект лингвистического описания орфографическая вариативность может быть охарактеризована в следующих параметрах: диахроническом, синхроническом, динамическом, сопоставительном, структурном (ядро / периферия), типологическом, статистическом, функциональном, лексикографическом (особенности экспликации в источнике) и аксиологическом.

4. В числе «внешних» стратегий преодоления вариативности, использованных в процессе упорядочения, выступают: 1) утверждение прерогативы государства в решении задачи нормализации правописания (от разнообразных индивидуальных образцов к единому коллегиальному кодексу); 2) полный или частичный отказ от фиксации орфографических вариантов в словаре с регистрацией в качестве нормативного только одного написания, несмотря на их объективное существование в практике; 3) актуализация необходимости упорядочения в интересах школы и печати путем разработки максимально полных правил и орфографического словаря; 4) введение орфографического режима в школе, рекомендация к использованию только одного орфографического словаря и прекращение выпуска других словарей; 5) учет рекомендаций школьного словаря в специализированных справочниках для работников печати в целях исключения коллизии школьной и общей практики письма; 6) апробация рекомендаций отдельных редакций свода в многотиражных изданиях до их официального утверждения; 7) организация обсуждения редакций свода в различных целевых группах (ученые, педагоги, работники издательств, рядовые пишущие); 8) официальное утверждение

свода как отражение его общеобязательного статуса для всех сфер письменной коммуникации.

К «внутренним» стратегиям, определяющим принцип работы ученых с вариативными написаниями, относятся следующие требования: 1) при выборе нормативного написания опираться на вариант, сохраняющий единообразие внешнего облика морфемы; 2) избегать факторов, провоцирующих колебания (исключения из правил, возможность их неоднозначной трактовки в силу сложной или содержательно избыточной формулировки, неполная функциональность правила, а также словарный принцип кодификации); 3) учитывать письменную традицию предыдущих 50 лет и не восстанавливать ставшие неактуальными семантические и грамматические связи.

5. В числе причин появления орфографической вариативности лежат внешние и внутрисистемные факторы⁷. Области орфографической вариативности характеризуются различной способностью к самоупорядочиванию, которое в пределах конкретного типа написаний может быть неравномерным⁸. Период сосуществования отдельных вариантов, отражающих неспособность узуса по ряду причин самостоятельно определиться с выбором одного из них, может составлять сто лет и более, вплоть до принудительной кодификации (например, заимствования с одиночной / удвоенной согласной или непроверяемые безударные гласные *a* и *o*). Появление новых единиц в таких типах написаний может сопровождаться колебаниями.

6. Пределы орфографической вариативности рубежа XIX–XX вв. в совокупности образуют 15 подгрупп интравариантов (вариативные написания внутри одного источника) и экстравариантов (вариативные написания в разных источниках), из них 8 подгрупп отражают колебания в написании гласных. Активные области дореформенной вариативности представляют написания с непроверяемыми безударными гласными *a* и *o* в корне (ядро, 23 %) и различные типы слитных, отдельных или дефисных написаний (17 %). Реформа правописания 1917–1918 гг. исключила вариативность *e* и *Ѣ* (10 %) и *ѣ* и *ѳ* (2 %), не разрешив проблему неупорядоченности в целом. Активные области послереформенной вариативности, по данным толковых ака-

⁷ Например, в русской орфографии к внешним факторам можно отнести: 1) принятие Петром I гражданской азбуки, что привело к колебаниям, отражающим «старое» написание по образцу церковных книг и новое светское; 2) развитие наук и формирование терминологической сферы; 3) интенсивное государственное переустройство (начало XVIII в., послеоктябрьский период в XX в., перестройка рубежа XX–XXI вв.); 4) активное заимствование; 5) языковую политику; 6) отсутствие, неполноту или некорректность, противоречивость рекомендаций. В числе внутренних могут выступать, например, неактуальность отражения на письме в определенный момент развития языковой системы исторических соответствий, как в случае с *e* и *Ѣ* или *зарастать* и *зарости* (несов. и сов. вид), наличие нескольких возможностей для орфографического оформления конкретного слова.

⁸ *По(-)берегу* → *по берегу*, *оть(-)даю* → *отдаю*, *дуб(н)ъ* → *дубъ*, *Ф(ф)игура* → *фигура*, *К(к)едр* → *кедр*, *А(а)прель* → *апрель* (устойчивое написание к определенному моменту на основе условного соглашения, обычая), но *ко(а)лбаса*, *ва(о)трушка*, *ло(а)хань*, *зара(о)сти*, *заго(а)рать*, *темно(-)красный*, *изжелта(-)красный*, *же(о)лобъ* (вплоть до утверждения Правил 1956). *Жи(р)аф(ф)* → *жираф*, *флот(т)* → *флот*, *ак(к)ула* → *акула* (в начале XX в. написание становится устойчивым), но *ак(к)уратный*, *ас(с)амбля*, *ас(с)ес(с)ор*, *гал(л)ерея* (колебания вплоть до утверждения Правил 1956).

демических словарей, составляют написания одиночной или удвоенной согласной в заимствованиях, слитное и дефисное оформление наречий, сложных прилагательных и существительных, а также непроверяемых безударных гласных *а* и *о*.

7. Градация орфографических вариантов, представленных в дореформенных руководствах, основывается на факторах выбора и конкуренции с эталонным написанием, которое либо не всегда может быть определено, как в случае с *равноправными* (полная свобода выбора), либо соперничает с *дополнительным, менее употребительным и менее предпочтительным* (частично ограниченный узусом или рекомендациями авторитетных источников выбор). Характеристика статуса варианта отличается спорностью, поэтому даже у *ошибочного* варианта (с точки зрения составителя словаря или справочника) сохраняется возможность выбора и конкуренции с эталонным написанием, если пишущим не признается авторитет руководства и он придерживается иных орфографических взглядов. Большинство вариантов квалифицируются в словарях и справочниках как равноправные.

8. В послереформенных руководствах *равноправные* варианты, как правило, не указываются, большинство рассматривается как *основной* и *дополнительный*, при этом возможность выбора последовательно ограничивается отсылкой к основному как эталонному с отражением этого в иллюстративном материале статьи, где примеры с дополнительным вариантом отсутствуют, а также в оформлении производных. Проблема непоследовательной оценки одного и того же варианта (дополнительный, т.е. допустимый или ошибочный) в разных источниках сохраняет актуальность.

9. Дореформенную нормализаторскую практику отличает разнообразный корпус помет без четко установленной дифференциации указания на конкретный тип орфографического варианта. Имплицитность («[ ]», «( )», «,» и др.) и эксплицитность способа выражения пометы определяется фактором выбора, который лежит в основе градации вариативных написаний. Распространение получает особый тип помет, представляющих собой ссылку на авторитет, чаще всего Я. К. Грота, утверждающий роль личной инициативы в упорядочении орфографии. В послереформенный период их количество значительно сокращается, пометы со ссылкой на авторитет (в связи с постепенным нивелированием возможности существования индивидуальной орфографии) практически не употребляются.

10. В послеоктябрьский период в условиях формирования нового государственного устройства, значительного роста издательской деятельности и приобщения к образованию широких слоев населения задача нормализации орфографии приобретает особую остроту. В числе организационных вопросов советскими комиссиями обсуждается характер необходимой работы (новая «пролетарская» реформа или упорядочение вариативности), объем регламентируемого материала (только орфография или орфография и пунктуация), формат документа (полный свод правил или руководство по образцу «Русского правописания» Я. К. Грота) и его адресат (специалист или рядовой

пишущий), принцип факультативности, хронологический период опоры (практика последних ста или пятидесяти лет).

11. Основу нормализации правописания XVIII – начала XX в. составляет опора на образцы, в которых отражаются индивидуальные вкусы и взгляды авторитетов. Несогласованность образцов обуславливает появление особого типа справочника – указателя спорных написаний. Тезис о необходимости разработки общеобязательного свода как государственного кодекса письма выдвигается первой советской орфографической комиссией 1929 г. (пред. К. Г. Костенко). Первая редакция свода создается комиссией под руководством Д. Н. Ушакова в конце 1935 г. (Правила 1936), изменения структуры в следующих редакциях носили частный характер. Общие подходы к нормализации впервые вырабатываются на специальной Орфографической конференции в Академии наук СССР (1936), в единую программу они оформляются в декларации орфографической комиссии 1939 г. под руководством С. П. Обнорского.

12. В послеоктябрьский период орфографические комиссии стремились реализовать некоторые принципы усовершенствования орфографии, но это оказалось невозможным в силу официальных требований «воспретить всякую реформу» и «не выдвигать пунктов», противоречащих декретам советской власти о новом правописании, что было вызвано опасениями в необходимости переобучения миллионов приобщенных к письму в рамках масштабной государственной кампании по ликвидации безграмотности. Это упрочило миф о заслуге советского правительства в проведении реформы 1917–1918 гг.

По теме диссертации опубликовано 59 работ, в том числе 3 монографии (из них одна коллективная) и 18 статей в изданиях, которые включены в перечень ВАК (из них три в реферативных базах данных Web of Science и Scopus).

Логика решения исследовательских задач определила структуру диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка принятых сокращений и условных обозначений; списка литературы, включающего 570 наименований, списков исследуемых лексикографических (37 ед.) и архивных источников (150 ед.), Приложений (27 ед.).

В главе 1 **«Вариативность в практике письма XVIII – начала XX в.»** анализируются особенности экспликации орфографических вариантов в толковых и орфографических словарях, указателях спорных написаний дореформенного периода, уточняется оценка вариативности в руководствах В. П. Светова и Я. К. Грота, устанавливается корпус и типология вариантов, специфика сопровождающих их помет, частотность (ядро / периферия), влияние реформы правописания 1917–1918 гг. на упорядочение вариативности.

В главе 2 **«Практика письма до утверждения “Правил русской орфографии и пунктуации” 1956 г.»** исследуется проблема стандартизации вариативных написаний в специализированных справочниках для работников печати, школьном орфографическом словаре Д. Н. Ушакова, «Толковом сло-

варе русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словаре современного русского литературного языка» (1950–1965 гг.), определяются характерные для послереформенной практики вариативные написания, особенности их градации и представления в источниках, выявляются этапы утверждения безвариативной нормы письма.

В главе 3 **«Проблемы орфографической нормализации по данным архивных документов и печати 1918–1956 гг.»** на материале неизвестных ранее документальных источников реконструируется история упорядочения орфографии в советский период, выявляется проблематика орфографической дискуссии и уточняется динамика оценки итогов реформы правописания 1917–1918 гг., устанавливаются периодизация, основные события и закономерности выявленных этапов нормализации, рассматриваются организационные и содержательные аспекты работы орфографических комиссий и история создания разновременных редакций Правил 1956.

В главе 4 **«Свод правил как инструмент нормализации орфографии»** анализируются концепция заглавия, проблематика вступительной части и принципы организации орфографического материала, описываются особенности справочного аппарата орфографических словарей, включенных в редакции правил, устанавливаются основные направления однократной и многократной перекодификации в словарях, систематизируются предложения основных редакций правил по упорядочению 30 групп вариативных написаний, представленных в до- и послереформенной практике.

В **Заключении** подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований в данном направлении. **Приложения** включают алфавитные и типологические словники орфографических вариантов (4 ед.), таблицы сопоставительной характеристики вариативных написаний в изданиях первой половины XX в. (1 ед.), схемы структуры вариативности, градации вариантов и сопровождающих их помет (3 ед.), наиболее значимые документальные источники по теме исследования (19 ед.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, формулируются его объект и предмет, цели и задачи, характеризуются методы исследования и его теоретико-методологическая база, определяются теоретическая и практическая значимость работы, степень новизны, приводятся данные о материале исследования и апробации результатов, указываются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Вариативность в практике письма XVIII – начала XX в.» состоит из 7 параграфов. Орфографию печати XVIII столетия отличают многочисленные «невѣрности, неточности и колебанія», изменения «на разные лады по личному вкусу» писателей и переводчиков, поэтому вопрос о правописании оказывается в числе «самыхъ живыхъ» вопросов научной полемики (М. И. Сухомлинов). Проблеме преобразования правописания на национальной основе посвящены изыскания В. Е. Адодурова, В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, В. П. Светова, А. А. Барсова, Н. Г. Курганова и А. П. Сумарокова, но при этом каждый из них выступает со своим «особымъ

взглядомъ» на дело орфографии (Я. К. Грот). В руководствах обозначаются два вектора развития русского письма: фонетический (*по звону*) и морфологический (*по произвождению*). Обсуждение проблем правописания продолжится и в XIX столетии. Как отмечено в одном из многочисленных руководств этого периода, оно требует согласия многих лиц, тогда как в практике известнейших грамматистов, писателей и издателей регулярно обнаруживаются «сбивчивые разнорѣчія» (В. И. Классовский). Современники эмоционально характеризуют непоследовательность русского письма как «рознь великую», «распрю», «брожение», «шатание», «разлад», «произвол» и «пестроту» (В. Г. Белинский, П. Гильтебрандт, Н. Каминский, В. Новаковский, А.С. Пушкин, К. Суворов).

Историю нормализации орфографии XVIII – XIX вв. можно условно разделить на период до появления орфографических работ Я. К. Грота и собственно гротовский. Для первого характерно наличие не одного, а некоторого множества разнохарактерных образцов (авторитетные грамматики и словари, периодические издания, практика писателей), отражающих индивидуальное понимание норм орфографии. При этом ни один из образцов не имел статус обязательного, а практика пишущего в части разрешения спорных вопросов в этих условиях была лишена определенного постоянства и могла опираться на несколько образцов одновременно. Утверждение «Русского правописания» Я. К. Грота в качестве орфографического кодекса только для школы закономерно приводит к коллизии школьной орфографии и печатных изданий и вызывает широкое обсуждение важности единства требований для всех общественных институтов и сфер письменной коммуникации.

В параграфе 1.1 «“Опыт нового российского правописания” В. П. Светова» рассматривается первый краткий свод правил русского, а не церковнославянского правописания (1773; 2-е изд. 1787), в котором подводятся орфографические итоги XVIII столетия. Утверждая ломоносовский путь развития русской орфографии, в числе важнейших условий преодоления «великого несогласия», когда правописание каждого «чем-нибудь от другого отлично», В. П. Светов называет «непременные» и «твердые» нормы и наличие полного орфографического словаря. В работе нашли отражение актуальные вопросы орфографической полемики этого периода: противоречивая практика, необходимость ее единства, ведущий принцип письма, лишние буквы, злоупотребление прописными. В числе устойчивых колебаний и «погрешностей» письма В. П. Светов отмечает необоснованные отступления от словопроизводственного начала в угоду просторечному выговору (*страмъ, ндравъ, руковятка, убивство*), дефисное написание предлогов и раздельное глагольных префиксов (*во-Тверь, по-берегу, отъ даю*), отражение ассимиляции согласных по мягкости (*первьый, церковь*), неразличение *ъ* и *ь* после шипящих у существительных мужского рода (*ключь, врачь* вм. *ключъ, врачъ*), излишнее удвоение согласных в иноязычиях (*оффицеръ, флоттъ*). Предложения В. П. Светова нашли поддержку у А. П. Сумарокова, М. И. Сухомлинова, Я. К. Грота, особо отмечавших его заслугу в продвижении идеи единства правописания.

Новаторский характер руководства заключается в совершенно нетипичном для этого столетия скрупулезном следовании собственным нормативным установкам и, как результат, полном отсутствии вариативных написаний в иллюстративном материале, а также в системной разработке вопросов письма в рамках самостоятельной теоретической работы, а не грамматики, как это было принято.

В параграфе 1.2 «Словарь Академии Российской» анализируется первый толковый словарь русского языка (1789–1794; 2-е изд. 1806–1822), призванный решить задачу регламентации языкового употребления конца XVIII – начала XIX в. В одних случаях орфография словаря опирается на правописание церковных книг, а в других – стремится учитывать русскую письменную традицию, которая была стихийна и неустойчива («*многое зависит от употребления*»). Это закономерно приводит к несогласованным написаниям, но вариативность оказывается крайне неравномерно и контрастно представленной в корпусе словаря, отражая определенное понимание идеала орфографической нормы.

Во-первых, в Указателях слов к выпускам словаря орфографические варианты, несмотря на их наличие в тексте, не отмечаются. Во-вторых, варианты заглавных слов встречаются в крайне ограниченном количестве с учетом объема словаря (100 единиц) и также не фиксируются Указателями, отмечающими и в этом случае только одно написание. Иллюстративный материал и производные в пределах словарных статей, как правило, учитывают оформление того варианта, который осознается составителями в качестве правильного, т.е. норма понимается как необходимый выбор только одного из существующих написаний. Такой «безвариативный» взгляд на норму-идеал возникает под влиянием руководства В. П. Светова, которое указывается в числе основных источников словаря.

Однако четкий порядок нормирования иллюстративного материала за пределами конкретной словарной статьи в одном или разных выпусках составителям не удается выдержать: наблюдаются многочисленные варианты написаний одних и тех же или однотипных слов. В этом случае словарь представляет живую практику многочисленных составителей в ее индивидуальности и столкновении взглядов и мнений: они «часто переменяют» написание, «смотря по тому, какое наблюдает который-нибудь из них особенно»⁹.

Иллюстративный материал широко отражает конкуренцию морфологических и фонетических написаний префиксов *воз-* и *раз-*, при этом в заглавных словах она встречается редко, а в Указателях к выпускам оказываются представлены только варианты, соответствующие морфологическому началу. Противоречивым оказывается и написание префиксов *из-* и *с-*; безударных гласных *о* и *а* в корне слова; *о* и *е(ё)* в корне слова после шипящих и именного суффикса *-ок* (прежде всего после *ч*); сочетаний *ьи* и *ы* после префикса на твердую согласную слова и слитного, отдельного или дефисного

⁹ Гейм И. А. Словарь российско-французско-немецкий, сочиненный и дополненный по Словарю Российской академии. – СПб., 1799. – С. 4.

написания сложных прилагательных, называющих оттенки цвета, употребления прописной буквы. Вариативность в написании глаголов с корнями *-гар / гор-* и *-раст / рост-* отразила понимание составителями словаря неактуальности для правописного узуса такого традиционного критерия книжной орфографии, как глагольный вид (*перегораю, догораю, дораस्ताю, подрастаю* вм. *перегараю, догараю, дорастаю, подрастаю*).

Нормализаторские усилия составителей отражает последовательное на фоне неупорядоченности конца XIX – начала XX в. написание *ъ* и *ь* после шипящих в позиции абсолютного конца слова у сущ. мужского рода (*овощъ, ландышь, плачь*), корневого *ѣ* (*сѣбра, рѣзба, перемѣна, вѣникъ, мѣбра, гнѣвъ*), ряда корней с чередующимися гласными (*-мак / мок-, -лаг / лож-, -кас / кос-* и *-зар / зор-*), суффикса *-щик-* (*каменищикъ, переносчикъ*), префиксов *без-* и *низ-* (с редкими исключениями) независимо от качества последующего согласного (*безхвостный, безкнижный, низхожду, низпадаю*). Понимание морфологического характера правописания (вслед за М. В. Ломоносовым и В. П. Световым) укрепляет гнездовой порядок слов. Несмотря на палитру вариативных написаний, которые включает орфографическая система словаря, единство письма осознается как общенациональная ценность.

В параграфе 1.3 «Особенности орфографии “Толкового словаря живого великорусского языка” В. И. Даля» исследуются особенности авторской орфографии (*правотиси*) составителя словаря. Необходимость ее создания В. И. Даль аргументировал «шаткостью» русского письма из-за отсутствия твердой теоретической опоры («между учеными нашими грамота не устоялась»). Индивидуальный опыт нормирования правописания получил у современников неоднозначные оценки, но ряд далевских постулатов воплотился в орфографических словарях конца XIX – начала XX в. В числе перспективных были признаны предложения учитывать произношение при написании префиксов *без-* и *чрез-* вслед за *из-, воз-, низ-* и *раз-* (*бескровный, беспечный, чересчуръ* вм. традиционных *безкровный, беспечный, черезчуръ*), избегать чрезмерного удвоения согласных в иноязычных словах и «выжимать» *Ѣ* (Я. К. Грот, А. А. Потеня, В. В. Чернышев, В. П. Шереметевский).

Ситуацию общей неупорядоченности правописания этого периода также отражают вариативные написания словаря объемом в 500 единиц, большинство из которых характеризуются В. И. Далем как равноправные. В последующих изданиях словаря далевская *правотись* претерпела изменения в соответствии с орфографическими взглядами его издателей и редакторов. Распространение словаря с разными орфографиями дополняло общую картину вариативности.

В параграфе 1.4 «Деятельность Я. К. Грота по упорядочению письма» анализируется «Русское правописание», в котором автор утверждает понимание орфографии как самостоятельной научной и практической области, требующей сознательного регулирования в целях достижения единства путем выработки общеобязательной нормы. До этих пор многие продолжают писать, руководствуясь собственными вкусами, т.е. «по прихоти». В числе основных колебаний современной орфографической практики Я. К. Грот ука-

зывает на непоследовательное употребление прописной буквы (*Славяне и славяне, Московскій и московскій*), *е* и *о* после шипящих (*уче(о)ный, жже(о)шь, просвѣще(о)нь, сче(о)ть*), одиночных и удвоенных согласных в заимствованиях (*коммиссія, комисія, комиссія, комисія*). «Наибольшую пестроту», по его наблюдениям, представляют написания наречных сочетаний, которые пишутся «то врознь, то слитно» (*въ замѣнь и възамѣнь, въ старину и въстарину*). Большинство из 70 представленных в словаре «Русского правописания» вариативных написаний, характеризующих неустойчивость письма, получают у Я. К. Грота неодобрительную оценку как *менее предпочтительные* или *неправильные, ошибочные* (86 %). Словарь также отличается разнообразие запретительных помет: *правильнѣе, нежелли; никак не; нет причины писать; всего ошибочнѣе начертаніе; не должно писаться; а не*.

В параграфе 1.5 «Указатели спорных написаний и орфографические словари» исследуется такой особый тип справочника дореформенного периода, как *указатель орфографического разнобоя*. Подобные руководства представляют собой списки слов, написание которых, согласуется с авторитетом одного, но в то же время противоречит взглядам другого. Указатели давали пишущему возможность выбирать, в соответствии с чьей рекомендацией он предпочитает писать то или иное слово. Одним из первых опытов создания такого издания является «Справочное место русского слова» Н. Греча (1836).

Наиболее значимый «Указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева (1887) составлен на основе 23 наиболее авторитетных источников, включая грамматики А. Востокова, Ф. Буслаева, работы Я. К. Грота, словарь В. И. Даля, выпуски «Филологических записок» и «Русского филологического вестника» и др. В него включены более 1000 общеупотребительных и частотных слов, написание которых испытывало колебания.

Самую объемную группу в Указателе составляют слитные, дефисные и отдельные написания (25 %), включавшие колебания в оформлении и сложных существительных (*гоф(ъ)(-)интен(-)дантъ, шлаг(-)баумъ*), прилагательных (*при(-)морскій, при(-)Б(б)алтійскій, двухъ(-)этажный*), местоимений, количественных и порядковых числительных (*двадцать(-)одинъ, дватцать(-)первый*), наречных сочетаний (*въ()дребезги, въ()смятку, въ()торопяхъ, въ()просакъ*), союзов, вводных слов и частиц *же* и *жъ, бы* и *бъ, де, не*. Многочисленные орфографические словари, издававшиеся в порядке частной инициативы, мало отвечали задаче орфографической нормализации, поскольку спорные вопросы разрешались в них по собственному усмотрению составителей.

В параграфе 1.6 «Типология орфографических вариантов» представлена характеристика вариативных написаний, которые учитывает практика нормирования дореформенного периода: 1) *равноправные* варианты; 2) *основной* и *дополнительный* варианты; 3) *более* и *менее употребительный* варианты; 4) *более* и *менее предпочтительный* варианты; 5) *правильный* и *неправильный, ошибочный* варианты. Квалификация вариантов по типам в

словарях и справочниках непоследовательна. Статус вариантов указывается с помощью эксплицитных и имплицитных наблюдательных («допустимый», «можно и», «последнее употребительнее», «обычное, нежелательно», (), [], «=», «,»), рекомендательных («предпочтительнее», «вернее», «лучше») и запретительных («а не», «не», «чаще, но неправильно») помет.

Индивидуальные орфографические эталоны авторитетов отражали так называемые «авторские» пометы: «у Греча», «у Буслаева», «Даль», «в том же значении Павский вообще отдельно», «Гротъ допускаетъ», «по мнѣнію Грота, нѣтъ основанія», «как писалъ, между прочимъ, Ломоносовъ». Наиболее частотными в период отсутствия общепринятого орфографического стандарта оказываются наблюдательные пометы. Также внутри корпуса вариативных написаний представляется необходимым выделить *интра- и экстраварианты*. Первые отражают орфографическую вариативность в пределах конкретного текста, тогда как вторые иллюстрируют вариативность в разных источниках, связанную с различным пониманием орфографического эталона и, как следствие, противоречивыми рекомендациями руководств и словарей.

В параграфе 1.7 «Центр и периферия вариативности в преддверии орфографической реформы 1917–1918 годов» анализируется структура орфографической вариативности конца XIX – начала XX в. с учетом общности корпусов интра- и экстравариантности (1800 вариантов): 1) **ядро** представляют вариативные написания с безударными гласными *a / o* в корне (23 %); 2) **околоядерную область** образуют различные типы слитных, отдельных или дефисных написаний (17 %); 3) **ближний круг периферийной области** организуют написания с гласными *e / o* после шипящих и *ц* (10 %), гласными *Ѣ / е* (10 %), *ь / і* в заимствованных словах (7 %), безударными гласными *e / u* (6%) и прописной и строчной буквами (6 %); 4) **пограничный круг периферийной области** составляют написания с *одиночными / удвоенными* согласными в заимствованных словах (5 %), гласными *э / е* в заимствованных словах (5 %), *глухими / звонкими* согласными (4 %), безударными гласными *e / я* (3 %), с *ъ / ь* (как правило, в абсолютном конце слова, 2 %), с *ь / без ь* (2 %); согласными *ф / ѳ* (2 %). Орфографическая реформа 1917–1918 гг. устранила вариативность таких подгрупп спорных написаний, как гласные *Ѣ / е* и согласные *ф / ѳ*, префиксы на согласную *-з*, тогда как области активных колебаний оказались вне сферы внимания реформаторов, осознававших тактическую важность именно упрощения и исключения архаичных написаний.

Глава 2 «Практика письма до утверждения “Правил русской орфографии и пунктуации” 1956 г.» состоит из 4 параграфов. Реформа 1917–1918 гг. в первую очередь была реформой алфавита и не ставила перед собой задачи упорядочения многочисленных колебаний в написании отдельных и однотипных слов. Послереформенное правописание по-прежнему отличала нестабильность. Многие, как отмечали современники, нередко писалось «от случая к случаю» (И. Иванович) или «по своему разумению», «прихоти» (С. А. Ионнисянц). Большинство спорных вопросов трактовались справочниками и словарями «в полном несогласии», каждый считал «обязанностью вы-

водить свои принципы, диктовать свои орфографические нормы»¹⁰. Рост числа книжной и печатной периодической продукции, приобщение к грамотности широких слоев населения с особой остротой обозначили проблему единства правописания. Орфография объявляется самым тревожным участком культурной работы.

В параграфе 2.1 «Проблема стандартизации орфографии в справочниках А. Б. Шапиро, М. И. Уарова и Н. Н. Филиппова» анализируются противоречивые рекомендации одновременно вышедших в 1933 г. специализированных справочников для работников ленинградских (Н. Н. Филиппов) и московских (А. Б. Шапиро, М. И. Уаров) издательств. Рекомендации справочников не совпадают в части написания: 1) одиночной или удвоенной согласной в заимствованных словах; 2) непроверяемых безударных гласных *a* или *o*; 3) непроверяемых безударных гласных *e* и *и* в корне; 4) гласных *o* и *e* (*ё*) после шипящих в корне и суффиксах после *ч* (*зайче(o)нок*, *вольче(o)нок*); 5) гласных *ы* или *и* в корне после приставок на твердую согласную; 6) сочетаний *пол-* с формами родительного падежа существительных; 7) сложных существительных, обозначающих должности и звания; 8) названий промежуточных сторон света; 9) наречных сочетаний. Кроме того, они выразили различное понимание характера будущей орфографической нормы: в отдельных случаях компромиссная, допускающая вариативность (Н. Н. Филиппов), или безвариативная, отвечающая задаче максимальной стандартизации правописания в условиях формирующегося орфографического режима (А. Б. Шапиро и М. И. Уаров). Несогласованность справочников вызывает большой общественный резонанс, они становятся предметом специального обсуждения на заседаниях сессии АН СССР и Коллегии Наркомата просвещения РСФСР.

В параграфе 2.2 «Концепция безвариативной нормы в школьном “Орфографическом словаре” Д. Н. Ушакова» представляется опыт нормализации правописания в словаре, утвержденном Наркоматом просвещения РСФСР в качестве обязательного для школы. Единство орфографии Д. Н. Ушаковым понимается как одно из важных условий устойчивости национального языка. В его представлении слово может писаться по-разному, если только отражает орфоэпическую, стилистическую или грамматическую двойственность, существующую в языке: *тракторы* и *трактора*, *камышек* и *камушек*, *условливаться* и *уславливаться*, *мологский* и *моложский*. Он избегает давать вариативные написания (*идти* и *итти*), как это было тогда нередко принято, регламентируя из числа распространенных написаний только то, которое представляется ему наиболее перспективным в нормативном плане. Словарь, суммарный тираж изданий которого составляет 2,5 миллиона экземпляров (1934–1941), в течение многих лет формирует у школьников и педагогов представление об орфографической норме как идеале, допускающем только одно правильное написание. Таким образом, школа оказывается

---

¹⁰ Обнорский С. П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. – 1934. – С. 463.

тем первым общественным институтом, где в условиях отсутствия официального орфографического свода словарь обеспечивает единство и последовательность орфографических норм, их преемственность на всех этапах школьного обучения.

Составители справочников и пособий для работников издательств и типографий стремятся к согласованию собственных рекомендаций с нормативными установками школьного орфографического словаря Д. Н. Ушакова, что способствует упорядочению послереформенного правописания.

В седьмое и последующие издания словаря (1951–1956) С. Е. Крючковым после смерти Д. Н. Ушакова включены 15 вариативных пар с пометой об исключительно временном характере их существования до утверждения одного написания в качестве нормативного. В 1951 г. к научно-методической и справочной литературе выдвигается требование о полном соответствии указаниям словаря.

В параграфе 2.3 «Вопросы орфографической нормализации в “Толковом словаре русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова» рассматриваются особенности градации и характеристики вариативных написаний послереформенного периода, впервые получающих здесь последовательное отражение, что отвечает задаче их систематизации и постепенной нормализации. Корпус вариативных написаний словаря насчитывает 600 единиц. В числе самых объемных – варианты с одиночной и удвоенной согласной в заимствованиях (205 единиц, 34 %) и непроверяемыми безударными гласными *а/о* (110 единиц, 18 %).

В словаре последовательно декларируется идея стабильной и единообразной орфографии, когда из двух написаний нормативным может быть признано только одно. Во-первых, варианты в словаре представлены только в позиции заглавного слова (вероятно, для облегчения поиска слова). Во-вторых, один из вариантов обязательно имеет маркировку *основной* в качестве более предпочтительного и правильного, тогда как второй оказывается *дополнительным / устарелым / неправильным*. В-третьих, словарная статья разрабатывается только к основному варианту, указывая тем самым пользователю на его большую правильность, при этом в ней не отмечается наличие в практике иного написания. В-четвертых, предпочтительность основного варианта последовательно подчеркивается с помощью корпуса помет, графических средств (высота и плотность шрифта), употребления в пояснениях и иллюстративном материале словарной статьи, а также в орфографии производных слов.

Стремление к упорядочению вариативности отражает и регламентация ряда спорных написаний, в частности наречий, *н/nn* в отглагольных прилагательных и причастиях, *о/е* после шипящих в суффиксе существительных. Словарь является последним лингвистическим источником, иллюстрирующим неупорядоченность русского правописания в таком объеме.

В параграфе 2.4 «Вариативные написания в “Словаре современного русского литературного языка” 1950–1965 гг.» анализируются особенности орфографической составляющей академического словаря, в пяти томах кото-

рого, изданных до утверждения в 1956 г. «Правил русской орфографии и пунктуации», представлено 300 вариантов. Они квалифицируются составителями как актуальные для современной орфографической практики. Заявленная дифференциация вариантов на *основные* и *дополнительные* в определенной степени нивелируется последовательным приведением в тексте статьи значительного числа иллюстративных контекстов, содержащих дополнительный вариант, что создает у читателя иллюзию полной равнозначности вариативных написаний. Принцип нормативности также нарушает включение в иллюстративный материал цитат с устаревшими написаниями без каких-либо комментариев. Самые частотные группы вариантов: 1) слитные / раздельные / дефисные написания (105 единиц, 34 %); 2) одиночные / удвоенные согласные в заимствованиях (50 единиц, 16 %); 3) безударные гласные *а/о* в корне слова (24 единицы, 8 %); 4) безударные гласные *и/е* в корне и суффиксе (редко) (20 единиц, 6 %). Вторая и третья группы представлены в значительно меньшем, чем в толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова, объеме, нередко отмеченные ранее в качестве дополнительных варианты характеризуются в академическом словаре уже как устаревшие. Это свидетельствует о стремлении максимально ограничить вариативность в данных позициях, поскольку при выборе нормативного варианта предпочтение, как правило, отдается написаниям с *удвоенной согласной* и гласной *а*. В остальных группах академический словарь более широко допускает варианты, что увеличивает пределы орфографической вариативности послереформенного периода и мало отвечает задаче упорядочения, дезориентируя пишущих. Так, из 70 наречий на букву *В*, для которых толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова, указанный в числе источников, последовательно регламентирует только слитное написание, академический словарь у 50 наречий (70 %) отмечается возможность вариативного дефисного и / или раздельного написания¹¹.

В вышедшем практически одновременно с академическим словарем первом издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1949) орфографические варианты отсутствуют. Его нормативные написания, как правило, учитывают школьный орфографический словарь Д. Н. Ушакова и основной вариант толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова. Академический словарь, с одной стороны, противоречит словарю С. И. Ожегова в решении принципиального для стандартизации орфографии вопроса о возможности вариативных написаний в пределах нормы, а с другой – всем указанным выше изданиям в части предлагаемых нормативных решений для конкретных спорных случаев. Как отмечается в рецензиях, академический словарь вместо закрепления нормативных установок, предложенных предыдущими авторитетными изданиями, порождает вопросы для их дискуссионного обсуждения Орфографический материал последних томов в отдельных случаях также не всегда

---

¹¹ *Век*, с иным (раздельным и дефисным) написанием *в век* и *в-век* (II, 72); *вовнутрь*, с иным (раздельным и дефисным) написанием *во внутрь* и *во-внутрь* (II, 490).

соответствует утвержденным в 1956 г. «Правилам русской орфографии и пунктуации» (V–XIII тт.).

Глава 3 «Проблемы орфографической нормализации по данным архивных документов и печати 1918–1956 гг.» состоит из 8 параграфов, в которых реконструируются и аналитически осмысливаются важнейшие события, связанные с масштабной нормализацией правописания, предпринятой в послереформенный период¹². Ее итоги представляют «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956) – первый наиболее полный и общеобязательный свод правил русского письма XVIII–XX вв.

В параграфе 3.1 «Осмысление итогов орфографической реформы 1917–1918 гг.» характеризуются этапы полемики, отражающие динамику оценки результатов реформирования, определяющую выбор приоритетного направления орфографической работы в послереформенный период: новая «пролетарская» реформа или упорядочение и устранение разнобоя. На *первом этапе* полемики (первое послереформенное десятилетие) утверждается идея о ее политической и методологической несостоятельности и неудовлетворительных практических результатах. В печати начинается широко обсуждаться вопрос о новой «коренной» и «пролетарской» реформе на *фонетической* основе и революционной «чистке букв» (упразднение прописных букв и э, и, й, ъ). Настойчиво звучит и требование отмены в декретах «О введении нового правописания» (1917) и «О введении новой орфографии» (1918) пункта, утвердившего написание приставок на -з в соответствии с произношением. Предлагается установить их морфологическое написание. В ответ на широкую полемику специальное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение «воспретить всякую реформу и дискуссию о реформе» как не отвечающие интересам социалистического строительства¹³.

Как следствие, на *втором этапе* полемики, с конца 1930-х гг., в официальных публикациях орфографическая реформа 1917–1918 гг. начинает определяться как крупнейшее социальное завоевание Октября, ее положительная роль в деле рационализации правописания и распространения грамотности постепенно становится общепризнанной. Логическим завершением реформы называется упорядочение, в обязательном порядке сохраняющее все ее итоги. В качестве основы упорядочения указывается *морфологический* принцип (Д. Н. Ушаков, С. П. Обнорский, П. О. Афанасьев, С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздев).

В параграфе 3.2 «Стихийность орфографической работы в первое послереформенное десятилетие» представляются основные события *первого этапа упорядочения* правописания (1917–1930), где превалирует фактор неорганизованности и несогласованности¹⁴. Деятельность созданной в 1924 г.

¹² На основе анализа 150 неопубликованных документальных источников различных фондов Архива РАН (впервые вводятся в научный оборот 126 ед.).

¹³ Заседание Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1931 г. «О “реформе” русского алфавита».

¹⁴ Раздел включает подпараграфы 3.2.1. «Технико-орфографическая комиссия Государственного издательства РСФСР» и 3.2.2. «Инициативы Наркомата просвещения РСФСР, “Учительской газеты” и объединений корректоров».

по инициативе Государственного издательства РСФСР технико-орфографической комиссии становится причиной «дезорганизаторских начинаний» в части разработки и утверждения собственных локальных стандартов правописания (М. Кочкин). Их составители нередко идут «своим путем рецептурных указаний», что приводит к «анархии» (С. А. Иоаннисянц) и «невообразимой разноголосице» печатных изданий (С. П. Обнорский). Следует отметить решающую роль в формировании общественного мнения в поддержку нового реформирования многочисленных публикаций и организованных «Учительской газетой» диспутов. В редакционных материалах сомнение в необходимости реформы характеризуется как преступление против социалистической культурной революции.

В параграфе 3.3 «Комиссия по реформе орфографии и пунктуации 1929 г.» анализируется деятельность созданной под мощным давлением общественности первой советской орфографической комиссии (пред. К. Г. Костенко, пред. орфографической подкомиссии И. В. Устинов), перед которой ставится задача «приблизить начертание слов к их звучанию», поскольку фонетический принцип представляется фактором, способным значительно сократить сроки обучения орфографии, освободив тем самым ресурсы для экономического строительства. Комиссия отвергает принцип вариативности, утверждая, что он противоречит «здоровому инстинкту охраны» письма как социального явления: «орфографические нормы призваны обеспечивать безусловное «единство и общеобязательность орфографической системы для всех составителей учебников, наборщиков, учителей, а также для всех грамотных граждан Советского Союза»¹⁵.

Отдельные предложения «Проекта реформы правописания» (1930) повторяет предложения дореформенной комиссии Р. Ф. Брандта, например: 1) исключение *ь* после шипящих (*вещь, рожь, режь, моешь, стричь, навзничь, сплошь*); 2) употребление после *ж, ш* и *щ* буквы *ы* (*жырный, кожны, лежыт, революцыя, цырк*); 3) написание под ударением после шипящих *ж, ш, щ, ч* буквы *о*, без ударения – *е* (*пчолка, щоки, лжот, шол, но пчела, щека, чернеть*); 4) мягкий знак в отделительной функции (*обьявление, съезд*); 5) окончание *-ово / -ево* в формах *новово, чево, ушедшево*.

Несколько предложений комиссии войдут в «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956), например: 1) слитное написание приставки *контр-* (*контрудар, контрнаступление*); 2) окончание *-а* у существительных общего рода (*запевала, громила*); 3) *-ье* в форме предложного падежа ед. числа имен существительных на *-ье* (*в Поволжье, в ущелье, в ученье*). Ряд выдвинутых комиссией положений в дальнейшем обсуждаются вновь уже в «Предложениях по усовершенствованию русской орфографии» (1964), в частности о дефисном написании *пол-* с последующим родительным падежом существительного (*пол-магазина, пол-сотни, пол-часа*) и исключении удвоенных согласных в заимствованиях (*искусство, коммунист, класовый*). Рациональным представляется и решение комиссии о

---

¹⁵ Проект реформы правописания. – М., 1930. – С. 10.

регламентации строчной буквы в названиях должностей и титулов, а также прописной буквы только в первом слове составных наименований учреждений и организаций, независимо от статуса. «Проект реформы правописания» не получил у сторонников «пролетарской ломки» правописания поддержки в силу неспособности разрешить вопрос о реформировании в интересах масс из-за его недостаточной радикальности и революционности.

В параграфе 3.4 «Ведомственные орфографические комиссии Наркомата просвещения РСФСР и Академии наук СССР» рассматриваются события *второго этапа упорядочения* (1933 – первая половина 1936 г.), связанные с окончательным утверждением идеи упорядочения. В 1933 г. ведомственные орфографические комиссии Академии наук (Ленинград, пред. А. С. Орлов, зам. С. П. Обнорский) и Наркомата просвещения РСФСР (Москва, пред. Д. Н. Ушаков) независимо друг от друга начинают свою работу. Нормативные установки комиссий совпадали только частично:

Установка	Академическая комиссия	Комиссия НКП РСФСР
1. Характер работы	Упорядочение	Упорядочение
2. Объем нормируемого материала	Орфография	Орфография и пунктуация
3. Итоговый документ	Сборник статей, посвященный спорным вопросам с историческим комментарием «в духе» Я. К. Грота (Л. В. Щерба)	Полный свод правил. В оценке членов академической комиссии у свода «ликбезовский характер» (Л. В. Щерба), он «излишне педагогичен» (С. П. Обнорский))
5. Адресат	Специалист	Рядовой пишущий
4. Принцип вариативности	Допускается с рекомендацией основного варианта (например, наречия, <i>цы / ци</i> в корне, <i>круже(и)во</i>)	Вариативность исключается
6. Опора при выборе написания	В ряде случаев комиссия ссылается на «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., т.е. ≈100 лет	Практика предыдущих 50 лет
7. Нормализация «застарелых» колебаний	Восстановление исторических написаний, например: <i>колач</i> , <i>коропуз</i> , <i>косатка</i> , <i>корокатица</i>	Недопустимость этимологизирования (<i>карапуз</i> , <i>калач</i> , <i>каракатица</i> , <i>касатка</i>)
8. Принцип	Морфологический	Морфологический

Межведомственное противостояние Наркомата просвещения РСФСР (в лице Д. Н. Ушакова) и Академии наук СССР (в лице С. П. Обнорского) связано с оспариванием прерогативы в решении вопросов нормализации правописания. С точки зрения Д. Н. Ушакова, она должна принадлежать Наркомату просвещения РСФСР, регулирующему деятельность системы образования

и издательств, поскольку орфографические решения должны учитывать потребности печати и школы. В свою очередь, С. П. Обнорский был твердо убежден, что право и авторитет решать сложные орфографические вопросы на научной основе есть только у Академии наук СССР. Итоги второго этапа упорядочения представляют проекты академического «Орфографического справочника» (1936) и «Свода орфографических правил» (1-я ред., 1936) комиссии Наркомата просвещения РСФСР.

В параграфе 3.5 «Орфографическая конференция в Академии наук СССР об упорядочении вариативных написаний» исследуются материалы конференции, где предпринимается попытка согласования результатов работы ведомственных комиссий в рамках специально для этого созданной объединенной комиссии (1935–1936). Одним из самых спорных на *третьем этапе упорядочения* (вторая половина 1936–1937) становится вопрос о формате основного документа нормализации: справочник в виде сборника статей (комиссия АН СССР) или полное и системное изложение правил в рамках свода (комиссия Народного комиссариата просвещения РСФСР). В результате острой дискуссии выбор делается в пользу свода правил, поскольку в сборнике «мнение» о правильном написании «сделано в виде рассуждения», тогда как в своде правил оно представлено в виде четкого требования-нормы, обеспечивающего упорядочение¹⁶. Наиболее крупные разногласия в ходе совместного обсуждения вызывает возможный порядок регламентации следующих позиций: 1) *одиночные / удвоенные согласные* и гласные *э / е* в иноязычных словах; 2) гласные *е / о* после шипящих и *ц*; 3) корни с чередующимися гласными *-раст / рост-*; 4) гласные *ы / и* на стыке приставки на твердую согласную и корня; 5) *н / нн* в прилагательных и причастий; 6) *прописная / строчная* в названиях партийных и правительственных организаций; 7) слитное и раздельное оформление *наречий*.

Кроме того, на конференции впервые прозвучат общие подходы к упорядочению, в частности: 1) учитывать сложившуюся практику и орфографические привычки пишущих, пусть это и противоречит представлению специалистов о том, каким должен быть эталон регламентации (С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, А. А. Реформатский, Д. Н. Ушаков); 2) не реставрировать в ходе орфографической нормализации семантические и словообразовательные связи, ставшие неактуальными и неосознаваемыми большинством пишущих (Е. С. Истрина, М. В. Сергиевский, Д. Н. Ушаков); 3) предлагать лаконичные и простые в применении правила без необходимости обращения в обычной практике к словарю и, по возможности, без исключений (Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба и А. А. Реформатский, А. М. Сухотин). Результаты третьего этапа упорядочения находят отражение во 2-й редакции «Свода орфографических правил» (1936) и «Объяснительной записке к сводам орфографических и пунктуационных правил» (1937).

---

¹⁶ Обсуждение доклада А. С. Орлова // АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 21 об.

В параграфе 3.6 «Декларация Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации 1939 г.» представлен анализ ключевых событий *четвертого этапа упорядочения* (1938–1945). Его открывает публикация в газете «Правда», утверждающая мысль о необходимости серьезной доработки 2-й редакции «Свода орфографических правил» (1936), поскольку он разрабатывался «келейно», без широкого участия педагогов, издательских работников и представителей общественности (Т. Косых, И. Устинов). С этой целью в 1939 г. создается новая Правительственная комиссия по разработке единой орфографии и пунктуации (рук. П. А. Тюркин, пред. орфографической комиссии С. П. Обнорский), в состав которой впервые войдут депутаты Верховного Совета СССР, М. А. Шолохов, А. Н. Толстой и педагоги-практики.

Основу орфографической декларации комиссии составят заявления об органичности и сбалансированности системы русского письма, о необходимости установления единства там, где нет должной устойчивости, принципиальной важности исключения вариативных написаний в условиях «плановости на всех участках советского строительства», о морфологической основе как «здоровом национальном» принципе орфографии, важности восстановления отдельных этимологических написаний (*колач, коропуз, корокатица, вырастать и вырости*)¹⁷. Эти положения в определенной мере являются развитием взглядов академика Я. К. Грота. Результаты работы комиссии представляют 1-я редакция «Сводов орфографических и пунктуационных правил» (1939), 2-я редакция «Правил единой орфографии и пунктуации» (1939) «Правила единой орфографии и пунктуации» (1940). Участники московской педагогической конференции, где обсуждаются эти редакции, дают им неодобрительную оценку: текст правил «обременен исключениями» (218 параграфов и 271 исключение), его необходимо «коренным образом переработать»¹⁸. По этой причине специальное заседание СНК СССР с участием народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина и председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы С. В. Кафтанова отклоняет редакцию правил 1940 г. К июню 1941 г. была подготовлена обновленная редакция правил, но ее обсуждение не состоялось.

В параграфе 3.7 «Орфографическая работа в период Великой Отечественной войны» характеризуются основные направления нормализаторских усилий в военные годы. Во-первых, с помощью специализированных справочников и инструкций, согласованных с Институтом языка и письменности АН СССР, устанавливается определенное единообразие в служебной и военной переписке, документации. Во-вторых, целый ряд спорных вопросов получает разрешение в серии орфографических справочников для работников печати К. И. Былинского и М. И. Уарова, учитывающих рекомендации школьного «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова.

¹⁷ Тезисы к докладу С. П. Обнорского «Основные принципы орфографической нормализации» (1939) // АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 156.

¹⁸ Правила единой орфографии и пунктуации. Сводка мнений учителей различных районов города Москвы // АРАН. Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. Л. 44, 36.

В параграфе 3.8 «Итоги работы по нормализации правописания: комиссия 1947 г. и “Правила русской орфографии и пунктуации” 1956 г.»¹⁹ анализируются события заключительного *пятого этапа упорядочения* (1946–1956), который условно можно назвать академическим, поскольку вся организационная и содержательная работа над правилами сосредоточивается в АН СССР. В 1947 г. создается первая послевоенная орфографическая комиссия. Итоги ее работы представляют редакции правил 1947, 1948, 1951, 1955 и 1956 гг. Последняя редакция становится заключительной и утверждается в качестве общеобязательных «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956). Комиссия подтверждает приверженность заявленным предыдущими орфографическими комиссиями принципам преодоления вариативности: 1) орфографические варианты исключаются; 2) учитывается русская правописная традиция предыдущих пятидесяти лет; 3) в случае неустойчивой традиции выбирается написание, соответствующее морфологической основе и обеспечивающее единство облика морфемы.

В основе формальной корректировки редакций правил 1947, 1948 и 1951 гг. лежат сугубо политические причины, связанные с обвинениями народного комиссара просвещения РСФСР А. Г. Калашникова и министра просвещения РСФСР А. А. Вознесенского, возглавлявших орфографическую комиссию, в политической близорукости. Орфографические установки редакций 1948 и 1951 гг., не будучи официально утвержденными, получают практическую апробацию в таких массовых изданиях, как школьный «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (7-е изд., 1951; 8-е изд., 1952) общим тиражом более семи миллионов экземпляров, а также в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1949; 2-е изд. 1952).

Редакция правил 1951 г. впервые в практике разработки проектов правил сопровождается выходом большого количества публикаций, где члены комиссии подробно обосновывают выбранные написания для спорных групп, что придает деятельности орфографической комиссии несвойственный ранее в таких масштабах характер публичности. Результаты обсуждения представляет редакция правил 1955 г., где обновляется целый ряд установок, но следующая редакция 1956 г. восстанавливает большинство нормативных указаний редакции 1951 г. Это оказывается оправданным, учитывая миллионные тиражи школьного «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова, в котором отражены рекомендации редакции правил 1951 г. Исключение составляют следующие написания: 1) гласных *и/ы* после *ц* в корне слова; 2) гласных *и/ы* в корне после приставки на согласную; 3) сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета; 4) словарных слов (168 единиц, из них 24 % наречия). Таким редакция правил 1956 г. задолго до своего официального утверждения практически в полном объеме де-факто входит в практику школы. В обосновании именно такой стратегии апробации правил специалистами указывается опыт «Русского правописа-

¹⁹ Включает подпараграфы 3.8.1. «Редакции Правил 1947–1948 гг.»; 3.8.2 «Апробация редакции Правил 1951 г.»; 3.8.3. «Редакция Правил 1955 г.» и 3.8.4. «Утверждение редакции Правил 1956 г.».

ния» Я. К. Грота, первоначально введенного в школу, а затем получившего распространение и в других сферах письменной коммуникации и печати.

Официально об утверждении «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956) Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР и их введении в школьную практику в начале учебного года сообщается в публикации С. Е. Крючкова «Единый свод правил орфографии и пунктуации» в «Учительской газете» (26.05.1956). Следует подчеркнуть, что редакция 1956 г. не рассматривается коллегиально на заседаниях Президиума АН СССР (1955–1956) и не обсуждается в печати. Вероятно, это было продиктовано опытом предыдущих дискуссий, когда не находится «ни одного орфографического вопроса, по которому участники выступили бы с единодушным проектом его разрешения», их предложения нередко «диаметрально противоположны»²⁰. Широкое обсуждение правил, как показывает практика дискуссий, приводит только «к откладыванию в дальний ящик всего дела упорядочения»²¹.

Вопрос об утверждении и общеобязательном характере правил включается в официальную повестку августовских педагогических совещаний. Специальной инструкцией Министерства просвещения РСФСР устанавливается срок для постепенного перехода на новые правила (3 года), в течение которого старые написания необходимо исправлять, но не учитывать как ошибки. В качестве меры, поддерживающей введение новых правил, впервые издается академический «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (1956). Издание правил и словаря «после многих лет разнобоя» и споров по поводу написания отдельных слов, «колебаний в применении правил, иногда неясно сформулированных», становится принципиально важным этапом в развитии культуры письменной речи²².

Глава 4. «Свод правил как инструмент нормализации орфографии» состоит из 4 разделов. В параграфе 4.1. «Концепция заглавия и организация орфографического материала» анализирует подходы к выбору названия свода. Заглавия редакций правил можно условно разделить на две хронологически сменяющие друг друга группы. Первую представляют названия с ключевым определением *свод* (редакции 1936–1939), а вторую – с определением *правила* (редакции 1939–1956). Наряду с дефиницией *правила* в названии ряда редакций присутствует такая дополнительная характеристика, как *единая*. В дальнейшем она исключается из-за смысловой избыточности, поскольку в ходе дискуссий неоднократно высказывается мысль, что нормы письма должны иметь общеобязательный статус, т. е. быть *едиными*. Традиционное название «Правила русской орфографии и

²⁰ К итогам дискуссии // Русский язык в школе. – 1955. – № 2. – С. 32–34.

²¹ Отзыв С. И. Ожегова о «Правилах орфографии и пунктуации» (1951) // АРАН. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.

²² Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // АРАН. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

пунктуации» утверждается в 1947 г., но в текстах редакций по-прежнему продолжает употребляться и дефиниция *свод*.

В качестве основных элементов организации текста редакций правил выступают *раздел, подраздел и параграф*, отражающие понимание системности русского письма. Редакции правил характеризует тенденция к сокращению количества указанных элементов в целях большей структурированности материала (при сохранении содержания): первая редакция правил 1936 г. – 9 разделов и 174 параграфа, тогда как редакции 1951, 1955, 1956 гг. – 7 разделов и 124 параграфа.

В параграфе 4.2 «Проблематика Предисловия» анализируется общая концепция содержания такого устойчивого компонента редакций правил, как Предисловие, которая окончательно вырабатывается в 1939 г. В центре внимания оказываются следующие вопросы: 1) характер проведенной нормализации (упорядочение, но не реформирование); 2) назначение сводов (максимальная систематизация правил; устранение разнобоя); 3) единство и общеобязательность устанавливаемых норм; 4) отрицательная оценка возможной вариативности.

В параграфе 4.3 «Организация ссылок и проблема перекодификации в орфографических словарях проектов Правил» представлены результаты анализа основных аспектов словарей, которые выполняют роль дополнительного источника иллюстративного материала²³. В них используется система ссылок, указывающих на параграф, регламентирующий указанное написание²⁴. Словарь в редакции 1940 г. содержит ссылки к 20 % слов (как правило, согласные в заимствованиях и наречия), редакции 1951 г. только к 7 % (обычно производные прилагательные от географических наименований с суффиксами *-енск / инск-* и слитное написание *не-* с различными частями речи). В словарях поздних редакций 1955 и 1956 гг. ссылки охватывают уже 60 % слов, последовательно отмечая наиболее сложные и частотные правила: написание наречий (320 ед.), употребление прописной буквы (140 ед.), написание гласных *о* и *е* (*ё*) после шипящих (100 ед.), сложных прилагательных (70 ед.), чередующихся гласных *а* и *о* в корнях (50 ед.) и *э* в иноязычных словах (35 ед.). В этом случае ссылки не только выполняют собственно справочную функцию, но и иллюстрируют упорядоченность правил, алгоритмичность их применения, обеспечивая высокую нормативную информативность текста.

Сложность выработки лингвистически обоснованной и непротиворечивой рекомендации для вариативных написаний в области одиночной или удвоенной согласной в заимствованиях, а также наречий в полной мере отражает такое явление, как *перекодификация*. Она может быть *однократной* и *многократной (обратной)*, когда восстанавливается написание предыдущей редакции:

1) редакции правил 1939 (2) и 1940 гг. *гросбух, гросмейстер* (первичная кодификация) – редакция 1951 г. *гроссбух, гроссмейстер* (однократная перекодификация) – редак-

²³ Орфографические словари включают редакции правил 1939 (2300 ед.), 1940 (2300 ед.), 1951 (2300 ед.) 1955 (4000 ед.) и 1956 гг. (4000 ед.).

²⁴ В словаре редакции 1939 г. ссылки отсутствуют.

ция 1955 г. *гросбух, гросмейстер* (обратная перекодификация по образцу редакций 1939 (2) и 1940 гг.) – редакция 1956 г. *гроссбух, гроссмейстер* (обратная перекодификация по образцу 1951 г.);

2) редакции правил 1939 (2) г. *в насмешку* (первичная кодификация) – редакция 1940 г. *внасмешку* (однократная перекодификация) – редакция 1951 г. *в насмешку* (обратная перекодификация по образцу редакции правил 1939 (2) г.).

В параграфе 4.4 «Предложения проектов по упорядочению вариативных написаний послереформенной практики»²⁵ систематизируются в хронологическом порядке предложения редакций правил по упорядочению 30 групп вариативных написаний послереформенной практики, в частности 18 групп вариативных написаний в области гласных и согласных и 12 групп в области слитных и дефисных написаний²⁶.

Наибольшие затруднения вызывает упорядочение гласных 1) *o / e (ё)* после шипящих под ударением (норма утверждается в редакции правил 1947 г.); 2) *ы* и *и* после приставок (в редакции 1956 г.); 3) *a / o* в корнях с чередующимися гласными (в первую очередь *po(a)st-*) (в редакции 1940 г.); 4) *э* в иноязычных словах (в редакции 1951 г.); 5) суффикса *-инск / енск-* в производных от географических наименований прилагательных (в редакции 1955 г.); 6) *и / ы* после *ц* в корне (в редакции 1956 г.). Во-первых, корректировки нормативных указаний объясняются пониманием бесперспективности закрепления немотивированных современным состоянием языка исторических написаний, в частности: *вырости* и *вырастать* на основе глагольного вида: *o* – сов. вид, *a* – несов. вид (редакции 1939, 1939 (2) гг.). Во-вторых, они приводят к сокращению исключений, например, в правиле о написании *ы / и* после *ц* в корне, где редакции 1947, 1948, 1951 гг. обсуждали необходимость 13 исключений (*цыбик, цыбуля, цыгарка, цынга, цыновка, цымлянское, панцырь, цыган, цыкать, цыпка, на цыпочках, цыпленок, цыц*). Также изменение первоначального порядка нормирования отражает представление о целесообразности выбора того варианта написания, который обеспечивает единообразное оформление корневой морфемы (*o / e (ё)* после шипящих под ударением) или, наоборот, соответствует произношению. Так, одно из самых частотных в до- и послереформенной орфографической практике колебаний в написании непроверяемых безударных гласных *a / o* в первом предупредительном слоге упорядочивается с *a* как наиболее соответствующее произношению (*валторна, ватрушка, кавычки, каморка, паром, крапива, калач*). В обоих случаях это решение аргументируется интересами обучающихся.

Значительные трудности представляет кодификация вариативных написаний с одиночными и удвоенными согласными в заимствованиях.

²⁵ Включает подразделы 4.4.1. «Упорядочение правописания гласных и согласных» и 4.4.2. «Упорядочение слитных и дефисных написаний».

²⁶ Нормативные установки анализируются в контексте «Предложений по усовершенствованию орфографии» (1964) и «Проекта изменений некоторых правил русского правописания» (1973).

Попытки редакций правил 1936, 1936 (2), 1939, 1939 (2) и 1940 гг. систематизировать непоследовательное написание в рамках традиционного правила оказываются несостоятельными и бесперспективными, поскольку учитывают комплекс разноплановых факторов, например: 1) язык-источник; 2) принадлежность слова к терминологической сфере; 3) наличие связи между двойной согласной и морфемным составом (стык корня и префикса, стык двух корней); 4) интернациональный характер морфемы; 5) нахождение двойной согласной в такой позиции (с учетом парадигмы всех форм), где облегчено ее долгое произношение (интервокальная позиция в заударном положении); 6) удвоение, связанное в языке-источнике с определенным грамматическим значением; 7) традиция оформления и др. В результате редакцией 1947 г. утверждается словарный принцип кодификации одиночных и удвоенных согласных в заимствованиях.

В области слитных и дефисных написаний изменение заявленного в редакции правил 1936 г. порядка нормирования характерно для написания существительных, образованных при помощи соединительной гласной типа *электросветоводолечебница*; сложных прилагательных со значением оттенка цвета; компонента *пол-* (*половина*) с последующим существительным в родительном падеже; географических названий, представляющих собой сочетания имени и фамилии, имени и отчества (*поселок Лев Толстой*), а также выраженных сочетанием существительных, соединенных при помощи предлога (*Ростов-на-Дону*)²⁷. Принципы кодификации наречий и сложных прилагательных со слитным и дефисным написанием компонентов, заявленные в редакции правил 1936 (2) г., остаются далее неизменными, но их практическая реализация оказывается сложной и непоследовательной, окончательно разрешаясь только орфографическим словарем.

В параграфе 4.5 «Вариативность в практике современного письма» анализируются наиболее частотные колебания, характерные для второй половины XX и начала XXI в.: 1) слитное / дефисное / раздельное оформление сложных существительных или их сочетаний с приложением или несклоняемым определением; 2) сложные прилагательные, в том числе с первой наречной частью на *о*, *е*, или сочетания прилагательных с наречием; 3) слова с отрицанием *не* (не в очевидных контекстах); 4) новейшие заимствования; 5) обозначения <*и*> после приставки на согласную (иноязычный корень); 6) употребление прописной буквы²⁸. «Правила русской орфографии и пунк-

²⁷ В качестве нормативных предлагаются следующие написания: *VELO-МОТОГОНКИ*, *ЭЛЕКТРО-СВЕТО-ВОДОЛЕЧЕБНИЦА*, *КИНО-ФОТО-ФОНОДОКУМЕНТ*, *АЭРО-ФОТОСЪЕМКА* (редакция правил 1955 г.); *ЧЕРНОБУРЫЙ*, *ТЕМНОРУСЫЙ*, *БЛЕДНОРОЗОВЫЙ*, *ЯРКОЗЕЛЕНЫЙ* (редакции 1947–1951 гг.); *ПОЛ-ЧАСА*, *ПОЛ-МЕТРА*, *ПОЛ-КОМНАТЫ* (редакции 1936 (2) и 1955 гг.); *НА СТАНЦИЯХ ЛЕВ-ТОЛСТОЙ И ЕРОФЕЙ-ПАВЛОВИЧ* (редакции 1936–1955 гг.); *РОСТОВ НА ДОНУ*, *ВЛАДИМИР НА КЛАЗЬМЕ*, *МОГИЛЕВ НА ДНЕПРЕ*, *ПЕТРОПАВЛОВСК НА КАМЧАТКЕ* (редакции 1936–1948 гг.).

²⁸ *ШИПДЕРЕВО* и *шип-дерево*, *ЭЛЕКТРОНВОЛЬТ* и *электрон-вольт*, *ТОННОМИЛЯ* и *тонно-миля*, *СТАНКОЧАС* и *станко-час*, *САМОЛЕТОВЫЛЕТ* и *самолето-вылет*; *ЭХО(ВЗ)ВЕСЬ*, *ЭХО(ПЕ)ЛЕНГАТОР*, *ШЛЯПА-СОМБРЕРО* и *шляпа сомбреро*, *МОРКОВЬ КАРОТЕЛЬ*, *морковь-каротель*, *морковь Каротель*, *морковь «Каротель»*; *ДРЕВЕСНОСТРУЖЕЧНЫЙ* и *древесно-стружечный*, *БЕССРОЧНООТПУСКНОЙ* и *бессрочно-отпускной*, *ВОДНОСПОРТИВНЫЙ* и *водно-спортивный*, *ВОДНОТРАНСПОРТНЫЙ* и *водно-транспортный*, *ПЕРИСТОСЛОЖНЫЙ* и *перисто-сложный*, *ГОРНОТЕХНИЧЕ-*

туации» (1956) утверждают норму безвариантного письма, но орфографические варианты продолжают свое существование, но уже в условиях действия общеобязательного орфографического стандарта. Они являются следствием неполноты и неоднозначности кодификации для объективно трудных участков орфографии или наличия нескольких системных возможностей для оформления.

В Заключение подводятся основные итоги исследования. Русская орфография от вариативности к единой норме прошла долгий путь в трудном преодолении неупорядоченности и разнобоя. Орфографическая вариативность XVIII – первой половины XX в. отражает сложную практику формирования общенациональной правописной нормы, рождавшуюся в столкновении церковнославянской письменности и русской живой речи, полифонии теорий, взглядов, личных пристрастий и, как следствие, множестве образцов написаний, предлагавшихся лексикографическими источниками. В нормировании орфографии дореформенного периода преобладает фактор стихийно-индивидуального начала, получивший выражение в особом типе справочника – указателе орфографического разнобоя. Между тем идет и постепенное укрепление понимания орфографии как социального установления, осознание ценности ее единства и необходимости подчинения собственных орфографических вкусов и представлений общепринятому стандарту. Это находит отражение в поэтапном становлении концепции безвариативной орфографической нормы, которая впервые заявляется отдельными изданиями уже в конце XVIII в. В послереформенный период усилия специалистов направляются на разработку полного и общеобязательного орфографического кодекса, призванного устранить фактор субъективности и выбора в правописании. Окончательное утверждение концепция безвариативной нормы (как важная часть государственной кампании по стандартизации различных сфер общественной и производственной жизни) получает с введением в школе орфографического режима. Перспективу исследования составляют расширение базы изучения орфографической вариативности, уточнение наполнения отдельных спорных групп написаний и истории их упорядочения, уточнение ряда теоретических аспектов вариантологии, групп и возможных причин современной вариативности правописания.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих **публикациях** автора:

ский и горно-технический, кишечнососудистый и кишечно-сосудистый, конногвардейский и конно-гвардейский; не()выгодно, не()безнадежно, не()безопасно, не()больно, не()известно, не()мудрено, не()очевидно; апгрейд и апгрэйд, тренд и трэнд, дедлайн и дэдлайн, дед-лайн; имейл и и-мейл, е-мейл, фастфуд и фаст-фуд, штрихкод и штрих-код; капучино и капучино, оффшор и офшор, топлес и топлес; клип(п)ер, гибберел(л)ин, фил(л)окактус, штек(к)ер, флик(к)ер-эффект; безы(и)ллюзорный, безы(и)ндукционный, безы(и)нъекционный, безы(и)потечный, преди(и)потечный, Государственная Д(д)ума, Т(т)ретье Т(т)ранспортное К(к)ольцо, наизготовку и на изготовку, маломальский и мало-мальский и т.п.

*Публикации в изданиях, включенных в перечень
рецензируемых научных изданий*

1. Григорьева, Т. М., Пономарева (Науменко), С. В. Словарь В. И. Даля в истории русской орфографии / Т. М. Григорьева, С. В. Пономарева (Науменко) // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 4. – С. 61–67 (0,2 п. л.).
2. Науменко, С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ / С. В. Науменко // Филологические науки. – 2003. – № 4. – С. 61–68 (0,5 п. л.).
3. Науменко, С. В. В. Разыграев и орфографическая практика XIX века / С. В. Науменко // Русская речь. – 2004. – № 2. – С. 90–96 (0,4 п. л.).
4. Науменко, С. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и словарь В. И. Даля / С. В. Науменко // Русская речь. – 2005. – № 6. – С. 66–73 (0,5 п. л.).
5. Науменко, С. В. Спорные написания в орфографической практике первой половины XX века / С. В. Науменко // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 58–65 (0,5 п. л.).
6. Науменко, С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в истории русской орфографии / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2011. – № 11. – С. 69–76 (0,5 п. л.).
7. Науменко, С. В. Академические орфографические проекты первой половины XX века: принципы унификации вариантных написаний / С. В. Науменко // European Social Science Journal. – 2011. – № 7 (10). – С. 112–119 (0,5 п. л.).
8. Науменко, С. В. Уроки «Русского правописания» Я. К. Грота / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2012. – № 12. – С. 70–77 (0,5 п. л.).
9. Науменко, С. В. Орфографическое наследие XVIII в. (К 270-летию со дня рождения В. П. Светова) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2014. – № 1. – С. 85–92. (0,5 п. л.).
10. Науменко, С. В. Хроника орфографической работы послереформенного периода (1917–1936 гг.) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2017. – № 10. – С. 70–77 (0,5 п. л.).
11. Науменко, С. В. Итоги реформы правописания 1917–1918 гг. в общественном сознании 20–50-х гг. XX в. / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2017. – № 5. – С. 83–90 (0,5 п. л.).
12. Науменко, С. В. Вопрос о ведущем принципе русского правописания в орфографической полемике послереформенного периода (1917–1956) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2017. – № 7. – С. 68–74 (0,4 п. л.).
13. Науменко, С. В. Орфографический меморандум Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79 – № 1. – С. 57–65 (0,5 п. л.).
14. Науменко, С. В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – № 9. – С. 67–74 (0,5 п. л.).
15. Науменко, С. В. Школьный «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и упорядочение правописания 1930–1950 годов (к 85-летию

первого издания) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 5. – С. 90–99 (0,6 п. л.).

Публикации в базах данных WoS и Scopus

16. Григорьева, Т. М., Науменко, С. В. Приставки на -з как нарушение системы русского письма / Т. М. Григорьева, С. В. Науменко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 9. – С. 9–18 (0,3 п. л.).

17. Науменко, С. В. Опыт нормирования правописания в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. / С. В. Науменко // Вопросы языкознания. – 2020. – № 4. – С. 115–131 (1 п. л.).

18. Науменко, С. В. Вопросы нормализации правописания двойных согласных в заимствованных словах в проектах усовершенствования и стандартизации русской орфографии 1930–1956 гг. / С. В. Науменко // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 4. С. 322–334. (0,8 п. л.).

Монографии

19. Науменко, С. В. Орфографическое строительство 30–50-х гг. XX века. Кириллица / С. В. Науменко // Латиница – Гражданица: коллективная монография / отв. ред. Т. В. Шмелева; НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 225–239 (1 п. л.).

20. Науменко, С. В. Упорядочение русской орфографии по данным архивных документов (1918–1956 гг.): монография / С. В. Науменко; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2017. – 324 с. (20 п. л.).

21. Науменко, С. В. Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография / С. В. Науменко; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 356 с. (22 п. л.).

Статьи по теме диссертации

в периодических научных изданиях и сборниках

22. Пономарева (Науменко), С. В. Заметки к орфографическому портрету А. С. Пушкина / С. В. Пономарева (Науменко) // Воспитание исторического и национального самосознания в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла: материалы региональной научно-практической конференции. – Канск, 1996. – С. 80–83 (0,25 п. л.).

23. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографическая грамотность: свобода или режим? / С. В. Пономарева (Науменко) // Воспитание исторического и национального самосознания в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла: материалы региональной научно-практической конференции. – Канск, 1997. – С. 96–99. (0,25 п. л.).

24. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографическая практика XIX в. (на материале сказки А. С. Пушкина «Золотой петушок») / С. В. Пономарева (Науменко) // Фонетика – Орфоэпия – Письмо в теории и практике: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. М. Григорьевой; Красноярский

государственный университет. – Красноярск, 1997. – Вып. 1. – С. 62–66 (0,3 п. л.).

25. Пономарева (Науменко), С. В. Толковый словарь В. И. Даля как феномен орфографии / С. В. Пономарева (Науменко) // Фонетика – Орфоэпия – Письмо в теории и практике: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. М. Григорьевой; Красноярский государственный университет. – Красноярск, 1998. – Вып. 2. – С. 81–87 (0,4 п. л.).

26. Пономарева (Науменко), С. В. Молох XX века (Правописание): Правописание с житейской точки зрения. Критика фактического (Гротовского) правописания / С. В. Пономарева (Науменко), Г. К. Житомирский // Фонетика – Орфоэпия – Письмо в теории и практике: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. М. Григорьевой; Красноярский университет. – Красноярск, 1998. – Вып. 2. – С. 103–109. (0,4 п. л.).

27. Пономарева (Науменко), С. В. Избыточность формы как «непременный атрибут функционирующего языка». / С. В. Пономарева (Науменко) // Языковая вариативность. Межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 1998. – С. 25–37 (0,8 п. л.).

28. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографические особенности 2-го издания «Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля» / С. В. Пономарева (Науменко) // Лингвистический ежегодник Сибири: сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 1999. – Вып.1. – С. 76–81 (0,4 п. л.).

29. Пономарева (Науменко), С. В. Особенности орфографических справочников конца XIX – начала XX века / С. В. Пономарева (Науменко) // А. С. Пушкин и национальное самосознание: сборник материалов региональной научно-практической конференции / Канский педагогический колледж. – Канск, 1999. – С. 72–78 (0,4 п. л.).

30. Пономарева (Науменко), С. В. Редакторское наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ. / С. В. Пономарева (Науменко) // И. А. Бодуэн де Куртенэ: Ученый. Учитель. Личность. / под ред. Т. М. Григорьевой / Красноярский государственный университет. – Красноярск, – 2000. – С. 217–222 (0,4 п. л.).

31. Пономарева (Науменко), С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в контексте орфографической вариативности XIX – начала XX в.: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Пономарева (Науменко). – Красноярск, 2000. – 406 с. (25,4 п. л.).

32. Пономарева (Науменко), С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в контексте орфографической вариативности XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Пономарева (Науменко). – Красноярск, 2000. – 26 с. (1,6 п. л.).

33. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографические варианты в типологическом и нормативном аспектах (на материале орфографических справочников конца XIX – начала XX вв. / С. В. Пономарева (Науменко) // Лингвистический ежегодник Сибири: сборник научных трудов / под ред. Т. М. Григорьевой / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2000. – Вып. 2 – С. 131–134. (0,25 п. л.).

34. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографическая теория В. И. Даля / С. В. Пономарева (Науменко) // Фонетика и письмо в диахронии: межвузовский сборник научных трактатов / Омский государственный университет. – Омск, 2001. – С. 61–65. (0,3 п. л.).

35. Григорьева, Т. М., Пономарева (Науменко), С. В. Норма и вариантность в русской орфографии / С. В. Пономарева (Науменко), Т. М. Григорьева // Лингвистический ежегодник Сибири: сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2001. – Вып. 3. – С. 20–42 (1,4 п. л.).

36. Пономарева (Науменко), С. В. Типология норм в лингвистике / С. В. Пономарева (Науменко) // Ежегодник регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири: сборник научных трудов / Красноярский педагогический университет. – Красноярск, 2001. – Вып. 1. – С. 138–143 (0,4 п. л.).

37. Пономарева (Науменко), С. В. В. И. Даль и иноязычное слово / С. В. Пономарева (Науменко) // Воспитание исторического и национального самосознания: сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2001. – С. 151–155. (0,3 п. л.).

38. Пономарева (Науменко), С. В. В. И. Даль Полтора слова о нынешнем русском языке (Публ. С. В. Пономаревой) / С. В. Пономарева (Науменко) // Воспитание исторического и национального самосознания: сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2001. – С. 192–196 (0,3 п. л.).

39. Науменко, С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в истории орфографии: материалы к спецкурсу / С. В. Науменко; Канский педагогический колледж. – Красноярск; Канск, 2003. – 18 с. (1 п. л.).

40. Науменко, С. В. Буква ЯТЬ: история и современность / С. В. Науменко // Проблемы региональной лингвистики: сборник научных трудов / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева. – Красноярск, 2003. – С. 152–175. (1,5 п. л.).

41. Науменко, С. В. Вариантность в истории орфографии XIX – начала XXI в.: материалы к спецкурсу / С. В. Науменко; Канский педагогический колледж. – Красноярск; Канск, 2003. – 81 с. (5 п. л.).

42. Науменко, С. В. Кириллица и латиница (структурные группы варваризмов в современной орфографической практике) / С. В. Науменко // Лингвистический ежегодник Сибири: межвузовский сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2003. – С. 166–170 (0,4 п. л.).

43. Григорьева, Т. М., Науменко, С. В. Некодифицированные явления в русском письме постсоветского периода / С. В. Науменко, Т. М. Григорьева // Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2003. – С. 189–195 (0,4 п. л.).

44. Науменко, С. В. Новые слова в орфографической практике / С. В. Науменко // Лингвистический ежегодник Сибири: межвузовский сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2003. – Вып.4–5. – С. 83–89. (0,3 п.л.).
45. Науменко, С. В. Особенности орфографических справочников и руководств конца XIX – начала XX вв.: методические материалы к спецкурсу / С. В. Науменко; Канский педагогический колледж. – Красноярск; Канск, 2003. – 16 с. (1 п. л.).
46. Науменко, С. В. Русская орфография: проблемы орфографической вариантности в теории и практике / С. В. Науменко // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень. / Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. - Абакан, 2003. – Вып. 1. – С. 132–142. (0,7 п. л.).
47. Науменко, С. В. Феномен нормы в лингвистике: методические материалы к спецкурсу / С. В. Науменко; Канский педагогический колледж. – Красноярск; Канск, 2003. – 16 с. (1 п. л.).
48. Науменко, С. В. Указатели спорных написаний в лексикографической практике XIX в. (на материале «Справочного указателя спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева 1887 года) / С. В. Науменко // Лингвистический ежегодник Сибири: межвузовский сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2004. – С. 73–84. (0,75 п. л.).
49. Науменко, С. В. Орфографическая вариантность в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко, Т. М. Григорьева // Русский язык сегодня: сборник научных трудов / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2004. – Вып. 3. – С. 75–83. (0,6 п. л.).
50. Григорьева, Т. М., Науменко, С. В. Норма – узус – кодификация в русской орфографии (до Свода 1956 г.) / С. В. Науменко, Т. М. Григорьева // Русский язык сегодня: сборник научных трудов. Проблемы языковой нормы / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2006. – Вып. 4. – С. 147–157 (0,35 п. л.).
51. Науменко, С. В. Орфографическая ситуация рубежа XX–XXI веков / С. В. Науменко // Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее: доклады Международного научно-дидактического семинара.– Gdansk, Polska, 2–4 марта 2006 г. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2006. – С. 80–96 (1 п. л.).
52. Науменко, С. В. История регламентации правописания *o/e* после шипящих в проектах правил орфографии и пунктуации 30–50 гг. XX в. / С. В. Науменко // Российский лингвистический ежегодник: сборник научных трудов. – Красноярск, 2008. – Вып.3(10). – С. 47–56. (0,6 п.л.).
53. Науменко, С. В. Этапы кодификации правописания *и/ы* в корне после приставок в проектах правил орфографии и пунктуации 40–60 гг. XX в. / С. В. Науменко // Лингвистика и школа – IV. К 90-летию со дня рождения Михаила Викторовича Панова (1920–2001): материалы Всероссийской науч-

но-практической конференции; под ред. Л. Б. Парубченко / Алтайский государственный университет – Барнаул, 2011. – С. 117–123. (0,4 п.л.).

54. Науменко, С.В. Этапы кодификации правописания *о/е* после шипящих в академических проектах правил орфографии и пунктуации 30–50 гг. XX века / С. В. Науменко // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2011. – С. 170–175 (0,4 п. л.).

55. Науменко, С. В. Орфографическая вариантность в научных дискуссиях и практике / С. В. Науменко // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2012. – С. 143–148 (0,4 п. л.).

56. Науменко, С. В. Орфографические разыскания Я. К. Грота в оценке С. П. Обнорского. Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я. К. Грота / С. В. Науменко // Культура русской речи: тезисы докладов III Международной конференции / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., – 2012. – С. 155–157 (0,2 п. л.).

57. Науменко, С. В. Орфографические разыскания Я. К. Грота в оценке С. П. Обнорского / С. В. Науменко // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. – М., 2014. – С. 78–87 (0,6 п. л.).

58. Науменко, С. В. Вопросы нормализации правописания в толковых словарях послеоктябрьского периода (1917–1956 гг.) / С. В. Науменко // Культура русской речи: тезисы докладов VI Международной научной конференции / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., – 2019. – С. 73 (0,06 п. л.).

59. Науменко, С. В. Социальные аспекты орфографического строительства 30–50 гг. XX в. / С. В. Науменко // Язык и социальная действительность. – Красноярск: СФУ, 2011. – С. 28–39. (0,75 п.л.).